

древнерусской литературы изучать в отрыве от литературы XI—XII веков невозможно уже по одному тому, что именно она во многом предопределила весь дальнейший ход развития литературной культуры нашего средневековья.

В последнее время историки древнерусской литературы и в общих обзорах, и в специальных исследованиях в особенности охотно подчеркивают элементы реалистического изображения в тех или иных памятниках. И не без оснований. Элементы реалистического изображения повседневной жизни действительно налицо уже в древнейших памятниках нашей литературы. Они встречаются не только в летописи, но и в агиографии, самом «условном» из всех жанров древнерусской повествовательной прозы. Факт этот не представляет собою чего-либо неожиданного. Искусство любого направления не может отражать ничего, кроме жизни, и она подчас, во всей своей конкретности, стихийно прорывается даже сквозь самое условное свое художественное изображение.

Однако, отмечая эти элементы реалистического изображения, мы иногда совершаем, на мой взгляд, одну существенную ошибку: вольно или невольно, но мы иногда рассматриваем эти элементы в памятниках средневековой литературы как основной и едва ли не единственный критерий их художественной ценности. Что это так, свидетельствует контекст, в каком элементы эти отмечаются. Правильно ли это? Боюсь, что ошибка заключается в том, что путаются два понятия: отражение реальной действительности в искусстве и «реализм». Но ведь это не одно и то же. Реализм — один из исторически возникших и поздних по времени методов художественного отражения действительности. Становлению реализма предшествовали иные методы, в рамках которых создавались произведения, по-своему отражавшие действительность, но от этого отнюдь не утратившие для нас своей поэтической ценности. Реализм открыл новые возможности познания мира и человека, которые были недоступны предшественникам реализма. Но реализм не отменяет великих художественных достижений предшествующих эпох, он вбирает их в себя. Точка зрения, по которой реалистичность изображения, большая или меньшая, — основное мерило художественной ценности произведения, на практике может привести к тому, что из доставшегося нам от прошлых веков художественного наследия выпадет все, что не соответствует идеалу реалистического искусства, — в угрожающем положении окажутся даже такие произведения, которые мы до сих пор привыкли считать величайшими завоеваниями человеческого художественного гения: «Божественная комедия», трагедии Шиллера, поэмы Байрона и еще многое другое.

Что касается средневековой литературы, древнерусской в частности, то эта тенденция объявить «реалистичность» изображения едва ли не высшим достижением древнерусских писателей, помимо всего прочего, мне кажется и антиисторической. Ведь та «правдивость деталей», говоря словами Энгельса, которая действительно встречается в памятниках средневековой литературы и порою так поражает нас своей почти осязаемой конкретностью в летописи, в некоторых «житиях», — в средневековой литературе, однако, никогда не подымалась до уровня эстетической системы, осознанной как некая сумма принципов и задач художественного отражения действительности, познания ее объективных закономерностей. Есть все основания думать, что для древнерусского писателя и читателя эта «правдивость деталей» изображения представляла ценность не эстетическую, а познавательную, рассматривалась ими как нарушение, как отступление от усвоенного литературного обряда, как нечто такое, что